

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 1 (17). С. 78–89.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2024. Issue 1 (17). P. 78–89.

Научная статья

УДК 947.07 (093)

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-78-89>

ВОПРОС О САМОДЕРЖАВИИ, ПРАВОСЛАВИИ И КРЕПОСТНОМ ПРАВЕ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДАХ Н. В. ГОГОЛЯ

**Аркадий Наумович
Долгих**

Липецкий государственный
педагогический университет имени
П. П. Семенова-Тян-Шанского
Липецк, Россия
adonli@mail.ru

Аннотация. В данной статье делается попытка анализа социально-политических взглядов великого русского писателя Николая Васильевича Гоголя (1809 – 1852), дается краткий обзор историографии вопроса, выявляются основные узлы противоречий в литературе по данной проблематике. Стоит отметить также периодические изменения подходов в литературе к творчеству Н. В. Гоголя. При этом акценты советского времени, в целом, были направлены на критические стороны гоголевской сатиры в «Ревизоре» и «Мертвых душах», оставляя часто в стороне его пассажи насчет крепостного права в «Выбранных местах из переписки с друзьями». Сегодня же маятник историографии качнулся в сторону его по преимуществу консервативных воззрений, несмотря на стремление многих авторов защитить доброе имя великого писателя. При этом автор данной работы дает свое понимание происхождения этих споров в литературе вопроса. В статье также достаточно подробно рассматриваются разные стороны мировоззрения Н. В. Гоголя, выявленные в его переписке, в публицистике и в художественных произведениях разного типа – прозе и драматургии. Наряду с его воззрениями в отношении самодержавия и религии рассмотрена особо ключевая проблема – его отношение к решению крестьянского вопроса – важнейшего вопроса общественно-политической жизни России первой половины XIX в. При этом отмечен его доминирующий консерватизм в данном отношении (что проявлялось и в отношении других сфер его мировоззрения), что противоречит традиционным представлениям на сей счет массового сознания в нашей стране. Великий писатель не всегда является великим мыслителем, тем более прогрессивным, – таков вывод автора статьи.

Ключевые слова: Н. В. Гоголь, мировоззрение, консерватизм, самодержавие, крестьянский вопрос, религия, православие, крепостное право.

Для цитирования: Долгих А. Н. Вопрос о самодержавии, православии и крепостном праве в социально-политических взглядах Н. В. Гоголя // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 1 (17). С. 78–89. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-78-89>

Сведения об авторе: А. Н. Долгих – доцент, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории, Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 398020, Россия, Липецкая область, г. Липецк, ул. Ленина, 42.

Scientific Article
UDC 947.07 (093)
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-78-89>

THE AUTOCRACY, ORTHODOXY AND SERFDOM ISSUE IN NIKOLAI V. GOGOL'S SOCIO-POLITICAL VIEWS

Arkady N. Dolgikh

Lipetsk State Pedagogical
P. Semenov-Tyan-Shansky University
Lipetsk, Russia
adonli@mail.ru

Abstract. This article attempts to analyze the socio-political views of Nikolai Vasilyevich Gogol (1809 – 1852), the great Russian writer, gives a brief overview of the historiography of the issue, and identifies the main knots of contradictions in the literature on this issue. It is also worth noting the periodic changes in approaches in literature to the N. V. Gogol's work. In Soviet times, however, emphasis was placed on the critical aspects of Gogol's satire in *The Inspector* and *Dead Souls*, while his passages about serfdom in *Selected Passages from Correspondence with Friends* were often left aside. Today, the pendulum of historiography has swung towards his predominantly conservative views, despite the desire of many authors to protect the good reputation of the great writer. At the same time, the author of the article gives his understanding of the origin of these disputes. The article also considers in detail different aspects of N. V. Gogol's worldview, revealed in his correspondence, in his journalism and in artistic works of different types - prose and drama. Along with his views on autocracy and religion, the article considers his attitude to the solution of the peasant question - the most important issue of social and political life in Russia in the first half of the 19th century. At the same time, it is worth noting his dominant conservatism in this respect (also manifested in other areas of his worldview), which contradicts the traditional ideas of the mass consciousness in our country. A great writer is not always a great and progressive thinker - this is the conclusion of the author of the article.

Keywords: N. V. Gogol, worldview, conservatism, autocracy, peasant question, religion, Orthodoxy, serfdom.

For citation: Dolgikh, AN 2024, 'The Autocracy, Orthodoxy and Serfdom Issue in Nikolai V. Gogol's Socio-political Views', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (17), pp. 78–89, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-78-89> (in Russ.)

Information about the Author: *Arkady N. Dolgikh* – Associate Professor, Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of National and Universal History, Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky, 42, Lenin Str., Lipetsk, 398020, Russia.

Как писал когда-то о своем учителе – великом русском историке С. М. Соловьеве – другой великий русский историк В. О. Ключевский, «в жизни ученого и писателя главные биографические факты – книги, важнейшие события – мысли» [21, с. 319]. Эти слова стоит отнести вполне и к характеристике жизни и воззрений еще одного великого деятеля России и отечественной культуры – Н. В. Гоголя. Сюжет, рассматриваемый нами в данной статье, недостаточно изучен: в основном, им занимались филологи, обращавшие особое внимание на религиозную составляющую его творчества, а историки все же уделяли данному сюжету мало внимания [4; 20; 24; 26; 28; 32; 34]. При этом типичным подходом к его творческой судьбе для советского времени являлся тезис Л. В. Черепнина о том, что участь писателя «была трагична». Правда, говоря об его идейной эволюции, превращении его в «обскуранта», апологета самодержавия, автор так и не смог показать радикальность того изначального Гоголя, от которого пошла его эволюция вправо. И уж совсем несерьезно выглядит заключительный тезис автора: «Он погиб, задавленный суровой крепостнической действительностью, ставши... жертвой тяжелого режима николаевского самодержавия» [33, с. 96–97, 110]. В подобном же духе высказался и Д. П. Николаев: «Гоголь не был сторонником революции, не стремился к свержению монархии. Он не принимал революционных методов изменения существующего положения вещей. Но к самому положению вещей он относился резко отрицательно. Это было в 30-е годы отрицание решительное, последовательное и бескомпромиссное» [27, с. 364].

Гоголевские парадоксы, связанные с очевидным, на первый взгляд, изменением мировоззрения (Гоголь «Ревизора» и 1-го тома «Мертвых душ» 1830 – начала 1840-х гг. и Гоголь «Выбранных местах из переписки с друзьями» 1847 г.), давно вызывали интерес и у литературоведов, и у философов, упиравшим, в основном, на психологические особенности личности писателя, приведшие его к духовному кризису в конце жизни, к своеобразному разлому сознания, по-разному трактуемому в зависимости от политических, религиозных и иных воззрений того или иного мыслителя. Очевидно, что на оценках творчества и взглядов Гоголя лежал отпечаток слов В. Г. Белинского из его письма от 15 июля 1847 г., посвященного выходу из печати «Выбранных мест из переписки с друзьями»: «...вы не заметили, что Россия видит свое спасение не в мистицизме, не в аскетизме, не в пиэтизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности. Ей нужны не проповеди..., не молитвы..., а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства... – права и законы, сообразные не с учением церкви, а с здравым смыслом и справедливостью... Самые живые, современные национальные вопросы в России теперь: уничтожение крепостного права, отменение телесного наказания, введение по возможности строгого выполнения хотя тех законов, которые уже есть...» [3, с. 675; 25, с. 210–218]. Это произведение Гоголя, вызвавшее бурю эмоций у современников, сегодня оценивается спокойнее [5, с. 111–113; 8, с. 19–25, 547–548; 19, с. 574; 26].

Наиболее афористично данное обстоятельство представлено у русского эмигранта К. В. Мочульского: «В нравственной области Гоголь был гениально одарен; ему было суждено круто повернуть всю русскую литературу от эстетики к религии, сдвинуть ее с пути Пушкина на путь Достоевского... Вся русская литература последовала за Гоголем: от него ее браннолюбивый, практический и гражданственный характер». При этом автор проводил дальнейшее развитие общественной мысли и общественного движения. Рассматривая программу «дела жизни» Гоголя, Мочульский отмечал, что способом исправления России он считал «поучение и нравственное влияние»; иных способов он не допускал. «Любопытно, – отмечал исследователь, – сравнить его с Белинским, стоявшим на той же почве общественного реформаторства». Белинский признавал лишь «внешние, государственные методы преобразования: уничтожение крепостного права, отмена телесного наказания, изменение госу-

дарственного строя; у Гоголя все методы внутренние, психологические: перевоспитание души человека. Для материалиста Белинского – бытие определяет сознание, для спиритуалиста Гоголя – сознание определяет бытие. Линия Белинского привела через интеллигенцию, народников и марксистов к современному коммунизму. Линия Гоголя возрождается в пореволюционном религиозном сознании» [31, с. 450, 454–455].

Еще в 1909 г. В. В. Розанов так определил основное содержание критических произведений Гоголя, рисовавшего «темное, вернее – грязное, засоренное и заносенное, русское захолустье», какую-то «щель жизни», полную «сумрака, невежества, злоупотреблений», но в контексте «ряда прежде всего смешных, забавных сцен и положений», представлявших «область сплошного и притом невыразимого комизма». При этом, как замечали исследователи, сам Гоголь не знал многих реалий русской жизни. Как писал С. А. Венгеров, единственный раз он проживал неделю в провинциальном городе Курске в трактире, описанном, видимо, им в «Ревизоре», никогда не заезжал «ни к какому русскому помещику, не обедал никогда ни у какого Манилова, не видал, как уписывает бараний бок Собакевич, не ночевал у Коробочки, не бывал никогда ни на каком, столь неправдоподобно у него описанном губернаторском балу»; в том же «Ревизоре» в среде провинциального общества им «пропущены стряпчий, казначей и исправник»; в «Мертвых душах» полицмейстер представлен как весьма важное лицо, каковым он не был в губернском городе; крестьяне на вывод продаваться должны были семьями; без доверенности, выданной в присутственном месте, нельзя было продать чужих крестьян; откуда целая серия явно украинских фамилий (Земляника, Коробочка, Петух, Сквозник-Дмухановский, Добчинский, Бобчинский) в русской глуши и т. д. Как ни странно, писал об этом В. В. Вересаев, и «провинциального чиновничества тогдашнего Гоголь не знал, – но мы-то через него знаем это чиновничество, как будто сами тогда жили...» [2, т. 4, с. 549–550; 29, с. 336].

В советское время поначалу на волне критики «проклятого прошлого» исследователи, исходявшие из классового подхода, жестко оценивали социальную сущность творений Гоголя. Особенно стоит выделить мыслителя, по происхождению дворянина, однако пропитавшегося сначала народническим духом в стиле В. И. Семевского, а затем принявшего и марксизм – В. В. Вересаева, сумевшего стать своим в советском обществе, посвятившего Гоголю значительное исследование, представлявшее свод мнений о жизни и воззрениях писателя. В своем труде «Гоголь в жизни» (1933 г.) он в духе первого историка-марксиста М. Н. Покровского клеймил Гоголя за его консервативные воззрения, рассматривая его как заурядного помещика, несмотря на то что реально тот «скорее принадлежал, подобно Белинскому, к сословию разночинцев», отказавшись от своей части имения в Полтавской губернии «в пользу матери и сестер»; причем идеологию «старосветской помещичьей жизни» Гоголь, по мнению Вересаева, «пронес в совершенно нетронутом виде» через всю жизнь. Автор также отмечал, что «к политике и ко всякой общественности Гоголь был глубоко равнодушен», а если и «чувствовал нарастание во всей Европе предгрозового революционного электричества, то видел в этом только язву, которая разъедает ничем не довольную Европу». При этом, если в России «революционная часть общества и молодежь восторженно приветствовали Гоголя за сокрушительные удары по существующему строю, то сам он тяготел к... реакционным кругам» того же общества, «с благоговением относясь к ненавидимому всеми императору Николаю», а самой большой его болью было то, что «в его обличениях читатель не хотел видеть высмеивания "частных случаев", а воспринимал их, как подрывную работу, направленную на самый строй, создавший возможность подобных "случаев"». Заметим, что книга Вересаева не встретила поддержки в тогдашнем советском обществе, почему,

видимо, она и не переиздавалась до 1990 г. Известны были две рецензии, обвинявших ее в том, что она носила «поверхностно беллетристический, анекдотический характер» [2, т. 3, с. 318–320; т. 4, с. 530–531].

Однако вскоре этот подход к творчеству Гоголя изменился. Известно стало высказывание И. В. Сталина 1952 г. «Раз есть зло, надо его лечить. Нам нужны Гоголи. Нам нужны Щедрины». Правда, после смерти вождя эти подходы несколько изменились. Так, в журнале «Коммунист» в 1957 г. этот лозунг фактически был дезавуирован: «Кое-кто неправильно толкует призыв партии поднять бичующую силу нашей сатиры до уровня гоголевской и щедринской. Забывается при этом, что сатира Гоголя и особенно сатира Салтыкова-Щедрина была направлена на расшатывание основ существовавшего тогда строя». Между тем цель советской сатиры совершенно иная – «утверждение советского строя путем критики недостатков» [16]. Однако и в дальнейшем упор на развитие «советского патриотизма» не давал хода всякого рода критикам таких глобальных фигур для отечественного мировоззрения, как Гоголь, и в советских учебниках литературы его творчество представлялось, как правило, оппозиционным самодержавию и крепостничеству.

Это веяние отразилось и в научной литературе. Так, по словам Н. Л. Степанова, автора вводной статьи к изданию собрания сочинений Гоголя рубежа 1940 – 1950-х гг., «писатель-сатирик» выступал «как обличитель крепостнических порядков царствования Николая I», «обнажал мерзость и бесчеловечность крепостнического строя, пустоту и ничтожность, которые отличали его представителей», а сами дворяне в его изображении являлись «жестокими и недостойными владельцами миллионов крепостных крестьян, безжалостно их эксплуатирующими». По мнению исследователя, писатель изображал в виде «мертвых душ» и «небокоптителей» именно помещиков. Правда, автор отмечал, что в своих произведениях Гоголь не давал «развернутого, подробного показа жизни крестьян», но их читатель чувствовал «страшную тяжесть крепостного права за нарисованными автором картинами помещичьего быта». Несмотря на позднейшее отступление писателя от этих позиций и проповедь всяческого смирения, его творчество тем не менее «нанесло страшный удар старому крепостническому порядку, содействовало пробуждению и развитию революционных идей». Одновременно он же подчеркивал и «антибуржуазность» взглядов Гоголя, обличавшего «тлетворную и губительную власть денег в капиталистическом обществе»; однако он «не смог правильно осмыслить и социальные противоречия» буржуазного общества в Европе, не видя «путей освобождения от господства торжествующей буржуазии, от всеобщей продажности, внушающей ему отвращение и страх» [9, т. 1, с. XIX, XXII, XXIX, XXXII–XXXIII, XLIV].

В новейшей литературе об этой последней стороне мировоззрения Гоголя писали литературоведы П. Вайль и А. Генис. Именуя помещиков Манилова, Собакевича, Коробочку и Плюшкина, представленных в «Мертвых душах», людьми «фольклорного хронотопа» и «бесполезными монстрами», Гоголь в то же время запрягал, по мнению авторов, «Русь-тройку», чтобы «она везла Чичикова, – других не было». Именно последний был в его глазах «героем нового времени», несмотря на все недостатки, ничтожество и скучность его как человека. По мнению писателя, в их изложении, будущие положительные герои «берутся только из отрицательных», при этом Чичиков в его глазах – «единственный герой, который знает, что и зачем делает», Чичиков – «это буржуй. Это Онегин и Печорин берут и деньги из тумбочки. Это они не опускаются до меркантильных расчетов. Чичиков деньги зарабатывает», за ним и будущее [1, с. 132–140].

Наш взгляд на социально-политические идеи, высказанные Н. В. Гоголем в его художественной прозе, драматургии и публицистике (прежде всего, в его «Выбранных местах из переписки с друзьями» 1847 г.), выглядит несколько иначе,

нежели его оценка современниками. Здесь налицо несколько положений, нуждающихся в дополнительном изучении. Ясно, что художественная проза Гоголя раннего времени с ее идеями и, в принципе, критическим изображением реальной жизни тогдашней России в значительной степени противоречила его же идеальным структурам, представленным в духовной прозе и публицистических штудиях. При этом нам представляется, что «поправление» писателя в последние годы жизни было связано не с его личным духовным кризисом (хотя именно в этом он сам признавался, например, в ответе Белинскому). Речь могла идти, видимо, о разнонаправленности его критической, в сущности, прозы и драматургии и его позитивном образе России в публицистике. Налицо, с нашей точки зрения, сочетание в нем великого бытописателя эпохи и довольно-таки заурядного консерватора. В этом отношении близкой к нам позиции придерживается, например, современный исследователь И. И. Гарин, полагающий, что «взгляды Гоголя в течение его жизни не претерпели существенных перемен», но «передовые слои» различных направлений тогдашнего русского общества «не поняли этого», а его «несчастливая книга», по выражению И. П. Золотусского, где писатель выступал как «судия и пророк», стала для многих из них «предательством», хотя она «лишь выразила в концентрированном виде то, что Гоголь хотел сказать, начиная с первой написанной им строки» [7, с. 436; 17, с. 350–351].

Так, православную веру (и церковь) Гоголь рассматривал как главное средство обороны России от всяких тлетворных воздействий, в том числе и особенно идущих с Запада. При этом, если в отношении самой веры подобная позиция выглядит вполне корректной и правомерной, тем более личной, то применительно к самой церкви, ее клиру и ее многостороннему воздействию на население страны она, скажем просто, слабава. Здесь и нравы самих священнослужителей, их недостаточная, мягко говоря, образованность (отмеченная Гоголем и чуть ли не прославляемая им именно за это), и само положение церкви как служанки государства вследствие реформы Петра I (в связи с созданием Синода и руководством церковью гражданским лицом – обер-прокурором). Обратим внимание также и на его «учительство», основанное, судя по всему, на представлении о том, что именно ему известно нечто такое, чего не знают другие. Причем это учительство адресовано было даже монарху всероссийскому, что, по мнению И. П. Золотусского, «походило на заигрывания Державина с Фелицею», тому же Николаю I, который при его характере и огромной реальной власти, естественно, не мог с этим согласиться. Между прочим, показательна реакция самого монарха на критику российского чиновничества в «Ревизоре», разрешенном к постановке лишь по высочайшему повелению: «В этой пьесе всем досталось, а мне в особенности». Адресатами его «учительства» были и высокопоставленные чиновники, например, генерал-губернаторы, их жены, помещики, духовные лица, крестьяне и вообще все население империи [6, с. 600, 636–637; 17, с. 354–357].

Налицо консерватизм его взглядов, отсутствие предложений реформ, кроме стереотипных положений о том, что не надо брать взятки (во всяком случае, с бедных людей), об исполнении всеми должностными структурами своих функций и христианском смирении и носителей власти, и всех остальных. Заметим, кстати, что подобные же идеи разделял в ту пору (по крайней мере, на словах) видный деятель III Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии Л. В. Дубельт: «...силы полицейской власти преимущественно заключаются в нравственном влиянии, орудия которых суть: истина в словах и доброжелательность в действиях. Поэтому тот только хорошо выполняет все обязанности службы полицейской и приносит истинную пользу, кто может быть безукоризненным примером для других. Что составляет порок в частном лице, то делается уже преступлением в лице полицейского чиновника» [11, с. 589].

Несмотря на эти мизерные, в сущности, пожелания, в писаниях Гоголя позднего периода наличествует и представление о многостороннем кризисе общества вообще и российского в частности. Показательно его отношение к самодержавию и российским монархам. Так, например, налицо идеализированное, даже благостное восприятие императрицы Екатерины II в повести «Ночь перед Рождеством», известны и восхищенные оценки Гоголем Николая I. Здесь он приближался к воззрениям того же Л. В. Дубельта, отмечавшего, что «Россию можно сравнить с арлекинским платьем, которого лоскутки сшиты одною ниткою, – и славно и красиво держится. Эта нитка есть самодержавие. Выдерни ее, и платье распадется!» [9, т. 1, с. 131–134; 15, с. 133].

Остановимся на главной интересующей нас проблеме – вопросе о крепостном праве и его месте в воззрениях Гоголя. Картины помещичьего быта, например, достаточно ярко представлены в его повести «Иван Федорович Шпонька и его тетушка». Последняя вела разумное хозяйство на своем хуторе, контролируя все и вся, в том числе используя и рукоприкладство: «...била ленивых вассалов своею страшною рукою и подносила достойным рюмку водки из той же грозной руки». Следствием подобных мер «было то, что маленькое именье..., состоявшее из осьмнадцати душ..., процветало в полном смысле сего слова». И именно контроль и неотлучное бдение самого героя «при жнецах и косарях» говорило о том, что он стал хорошим хозяином. Эти идеи о благотворности помещичьего руководства и контроля за крестьянами весьма напоминают воззрения Н. М. Карамзина, выраженные в его статьях начала XIX в. «Письмо сельского жителя» и «Добрый помещик», напечатанные в «Вестнике Европы». Тем не менее комментаторы издания сочинений Гоголя 1950 г. все равно именуют этих помещиков «бесполезными небокоптителем» с их «бесмысленностью» и «бессодержательностью» жизни [9, т. 1, с. 190–191, 323; 23, т. 1, с. 249–258; т. 4, с. 161], хотя в принципе они оказывали помощь в деле лучшей организации крестьянского труда, что давало большие урожаи и, как сегодня пишут, способствовало экономическому развитию России [22]. Заметим, что даже в «Мертвых душах», наиболее близком к изображению реального крепостного права по содержанию произведений писателя, цензор Московского цензурного комитета И. М. Снегирев отметил (по словам Н. В. Гоголя из письма П. А. Плетневу от 7 января 1842 г.), что «...о крепостном праве и намеков нет, что даже нет обыкновенных оплеух, которые раздаются во многих повестях крепостным людям; что здесь совершенно о другом речь; что главное дело основано на смешном недоумении продающих и на тонких хитростях покупателя, и на всеобщей ералаши, которую произвела такая странная покупка...». Данное явление показательно даже при сопоставлении, например, с изображением крепостного права в фонвизинском «Недоросле» [9, т. 6, с. 257; 14, т. 1, с. 241–249].

По нашим в общем-то достаточно примерным данным, соотношение фактов или эпизодов в произведениях Гоголя, которые можно трактовать в пользу смягчения крепостного права или его сохранения соотносятся как 3 к 9 (или как 1 к 3); если же исходить вообще из данных о количестве дворянских проектов решения крестьянского вопроса за 1830 – 1840-е гг., то есть годы творческого расцвета Гоголя, то он попадает в круг умеренно-консервативных мыслителей, составляющих примерно 30 % от общего числа дворянских проектов той эпохи. Здесь его позиции были вполне типичны для массы помещиков России (при этом в данном контексте не так уж важно, владел ли он лично крестьянами). Характерным для Гоголя являлось признание позитивности крепостного права в духе отношений «помещики – отцы, крестьяне – дети», что в ту пору не гармонировало даже с направленностью политики Николая I в сторону смягчения крепостного права и его последующей отмены (по

крайней мере, до эпохи европейских революций 1848 – 1849 гг.) [12; 13, с. 166–189; 18; 30, с. 43–242].

Гоголь вообще не говорил ни в своих художественных произведениях, ни в публицистике о необходимости отмены крепостного права, чем отличался от некоторых консервативных представителей тогдашней элиты, того же А. Х. Бенкендорфа или С. С. Уварова, которые отлагали проведение этой реформы на более или менее отдаленное будущее [13, с. 117–119, 122–126; 14, т. 2, с. 286–297]. Здесь великий писатель являлся еще большим обскурантом на фоне своих современников – А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова, которые в ту пору также не отличались явными стремлениями к крестьянской эмансипации, а изображение народа (именно крестьян) у Гоголя выглядело чаще всего сатирическим (пример: дядя Митяй и дядя Миняй в «Мертвых душах») – в том смысле, что они без поводыря-помещика ничего положительного не сделают, а лишь пойдут в кабак. Примеры иного рода редки («мертвые души» Собакевича) и не делают здесь погоды [9, т. 5, с. 90–91, 102; 13, с. 401–406, 409–411].

Попытки найти антикрепостнический смысл в писаниях Гоголя выглядят не совсем удачными и натянутыми. Так, например, Д. П. Николаев отмечал, что в «Мертвых душах» помещики предстали «в качестве владельцев крестьян», то есть «в самом важном своем проявлении», а также в качестве «торговцев крестьянами», причем, по мнению автора, «тот факт, что торгуют они в данном случае не реальными, живыми людьми, а "мертвыми душами", – ничуть не смягчает социальной остроты нарисованных Гоголем сцен». Стоит только сравнить данные картины хотя бы с фразами о продаже людей из пьесы «Горе от ума», и сразу станет ясна разница в подходах к одной и той же теме [10, с. 66; 27, с. 324]. Ничего в его произведениях нет о помещичьих жестокостях, насильственных браках, ссылке крестьян на каторгу или на поселение в Сибирь, сдаче их в солдаты в качестве наказания и др. Пожалуй, отметить можно в данном контексте лишь Плюшкина, который не кормил своих дворовых людей, но это была, действительно «прореха на человечестве». Сами крепостные относятся, по Гоголю, к телесному наказанию вполне спокойно, раз за дело (Селифан), и только [9, т. 5, с. 42, 108–130]. Налицо, действительно, благостные картины крепостного быта, имевшие место не только в публицистике, но и в его художественных произведениях. По мнению современного исследователя М. В. Медоварова, Гоголь считал, что дворяне – «цвет населения», и в награду за это они получают крестьян, «к которым нужно относиться по-отечески», а жестокие помещики «должны быть изгоями в обществе», но он же отстаивал и тезис об «опасности отмены крепостного права» [26].

Еще В. В. Вересаев отмечал, что «в вопросах общественности, морали, религии» Гоголь «до конца жизни стоял совершенно на том же уровне, на котором стояла его наивная и глуповатая мать-помещица». Особенно это проявлялось в вопросе о крепостном праве. Так, по его воззрениям, «мужику... Богом предписано работать на своего барина». В частности, в письме 1846 г. к сестре он настаивал на том, чтобы она ездила на полевые работы и смотрела за мужиками: «Ленивому ты должна говорить, что он может наработать больше, стало быть, грех ему так не делать, что ты ему потому приказываешь и велишь, что Бог приказал трудиться усердно. Он сказал: "в поте лица трудитесь!", стало быть, это грех, и с помещика за то взыщется. Расскажи также мужикам, чтобы они слушали приказчика и умели бы повиноваться, несмотря на то, кто ими повелевает, хотя бы он был и худший их, потому что нет власти, которая была бы не от Бога. Словом, так говори с ними, чтоб они видели, что, исполняя дело помещичье, они с тем вместе исполняют и Божие дело». А в другом письме ей же указано, что Всевышний наказывает не тех, кто эксплуатирует чужой труд и владеет людьми, а тех, кто не участвует в контроле за этим трудом, пусть и живя одно-

временно за счет крестьян. В этой связи Вересаев, приводя эти строки, замечал, что вряд ли «можно найти во всемирной литературе более наивно-откровенное исповедание барско-помещичьего Бога». Заметим, что для данной эпохи, начиная примерно с первого десятилетия XIX в., можно говорить о появлении своеобразного чувства «стыда» у ряда дворян и помещиков России за владение «крещеной собственностью», чего избежал Н. М. Карамзин, но которое уже присутствовало, например, у А. С. Пушкина. Однако это явление обошло Гоголя стороной [2, т. 3, с. 319–320; 14, т. 1, с. 301–310; т. 2, с. 310–324].

Подводя итог, отметим, что Гоголь в николаевскую эпоху находился на правом фланге общественно-политической мысли, о чем писал, например, В. Я. Гросул. По его словам, «в рядах консервативного направления» в ту пору «оказалось немало русских писателей, в том числе и весьма значительных. К ним относились Н. В. Гоголь, Ф. И. Тютчев, А. А. Фет...» [11, с. 528, 534, 587]. Трудно сказать, как бы он себя повел на фоне Крымского поражения, но он не дожил до этих печальных и судьбоносных для России дней.

Список источников и литературы

1. Вайль П., Генис А. Родная речь: Уроки изящной словесности. М.: КоЛибри, 2011. 256 с.
2. Вересаев В. В. Гоголь в жизни. Систематический свод подлинных свидетельств современников // Соч. : в 4 т. М.: Правда, 1990. Т. 3. С. 315–540; Т. 4. С. 3–559.
3. Белинский В. Г. Письмо к Гоголю // Хрестоматия по истории СССР. Т. 2 : (1682–1856) / сост. С. С. Дмитриев и М. В. Нечкина. М.: Учпедгиз, 1949. С. 674–682.
4. Виноградов А. И. Гоголь – художник и мыслитель: христианские основы мирозерцания. К 150-летию со дня смерти Н. В. Гоголя. М.: ИМЛИ РАН : Наследие, 2000. 448 с.
5. Ворopaев В. А. Гоголь (Гоголь-Яновский) Николай Васильевич // Общественная мысль России XVIII – начала XX в. : энцикл. М.: РОССПЭН, 2005. С. 110–113.
6. Выскочков Л. В. Николай I и его эпоха. Очерки истории России второй четверти XIX в. М.: Академ. проект, 2018. 999 с.
7. Гарин И. И. Загадочный Гоголь. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2002. 640 с.
8. Гоголь Н. В. Критика. Публицистика. Духовная проза / сост., авт. вступ. ст. и коммент. Ю. В. Манн. М.: РОССПЭН, 2010. 600 с.
9. Гоголь Н. В. Собрание сочинений : в 6 т. / под общ. ред. Ф. М. Головенченко. М.: Худож. лит., 1949–1951. Т. 1. М., 1950. 327 с.; Т. 5. М., 1949. 431 с.; Т. 6. М., 1950. 360 с.
10. Грибоедов А. С. Сочинения. М.: Худож. лит., 1988. 752 с.
11. Гросул В. Я. Общественное движение в России первой половины XIX в. М.: АИРО–XXI, 2017. 848 с.
12. Долгих А. Н. Поиски решения крестьянского вопроса в России в дворянских проектах конца XVIII – первой половины XIX в. // Российская история. 2023. № 1. С. 59–70.
13. Долгих А. Н. «Пороховой погреб под государством»: пути решения крестьянского вопроса в России в эпоху правления Николая I. Историографические очерки : монография. Липецк: ЛГПУ им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2022. 478 с.
14. Долгих А. Н. «Увижу ль, о друзья, народ неугнетенный...»: Российское дворянство и крестьянский вопрос в XVIII – первой четверти XIX в. : историограф. очерки : в 2 т. Липецк: ЛГПУ им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2018. Т. 1. 354 с.; Т. 2. 358 с.
15. Дубельт Л. В. Заметки генерал-лейтенанта Л. В. Дубельта // Голос минувшего. 1913. № 3. С. 127–171.
16. Душенко К. В. История знаменитых цитат. М.: КоЛибри, 2018. 701 с.
17. Золотусский И. П. Гоголь. М.: Молодая гвардия, 2005. 485 с.
18. Ильин А. Ю., Канищев В. В. К проблеме изучения крестьянского вопроса в России в XVIII – первой половине XIX в. // Гуманитарные исследования Центральной России. 2023. № 3 (28). С. 16–21.

19. Карев В. М. Гоголь Николай Васильевич // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года : энцикл. : в 5 т. М.: Большая рос. энцикл., 1994. Т. 1. С. 573–574.
20. Китаев В. А. Пушкин, Гоголь и консервативная традиция в России первой половины XIX века // Литературные мелочи прошлого тысячелетия. К 80-летию Г. В. Краснова : сб. науч. ст. Коломна: КГПИ, 2001. С. 76–86.
21. Ключевский В. О. Сергей Михайлович Соловьев // Соч. : в 9 т. / под ред. В. Л. Янина. М.: Мысль, 1989. Т. 7. С. 303–319.
22. Козлов С.А., Марасанова В.М. «Вся награда трудов в общем благе»: хозяйственно-просветительная деятельность Дмитрия и Константина Полторацких // IX Бартеневские чтения : материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. Липецк, 9 октября 2020 г. Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2020. С. 182–209.
23. Крестьянский вопрос в России в конце XVIII – первой четверти XIX веков: власть и общество : сб. док. : в 4 т. / сост. и авт. коммент. А. Н. Долгих. Липецк: ЛГПУ, 2008. Т. 1. 360 с.; Т. 4. 341 с.
24. Манн Ю. В. В поисках живой души. «Мертвые души»: писатель – критика – читатель. М.: Книга, 1984. 353 с.
25. Манн Ю. В. Гоголь Н. В. // Краткая литературная энциклопедия / гл. ред. А. А. Сурков. М.: Сов. энцикл., 1964. Т. 2. Стб. 210–218.
26. Медоваров М. В. Н. В. Гоголь и русская общественная мысль первой половины XIX века // Mahtalcar : сайт. URL: https://mahtalcar.narod.ru/history/gogol3_txt.html (дата обращения: 31.12.2023).
27. Николаев Д. П. Сатира Гоголя. М.: Худож. лит., 1984. 367 с.
28. Пospelов Г. Н. Творчество Гоголя. М.: Учпедгиз, 1953. 277 с.
29. Розанов В. В. Гоголь и его значение для театра // Сумерки просвещения / сост. В. Н. Щербаков. М.: Педагогика, 1990. С. 334–339.
30. Ружицкая И. В. Законодательная деятельность в царствование императора Николая I. М.; СПб.: Центр гуманитар. инициатив, 2015. 360 с.
31. Русская идея : в 2 т. / сост. В. М. Пискунов; коммент. Н. В. Злобина. М.: Искусство, 1994. Т. 2. 684 с.
32. Степанов Н. А. Н. В. Гоголь. Творческий путь. М.: Худож. лит., 1959. 608 с.
33. Черепнин Л. В. Исторические взгляды классиков русской литературы. М.: Мысль, 1968. 383 с.
34. Шульгин В. Н. Русский свободный консерватизм первой половины XIX в. СПб.: Нестор-История, 2009. 496 с.

References

1. Vayl, P & Genis, A 2011, *Rodnaya rech': Uroki izyashchnoy slovesnosti* (Native Speech: Lessons of polite literature), KoLibri publ, Moscow. (In Russ.)
2. Veresayev, VV 1990, 'Gogol' v zhizni. Sistematischeskiy svod podlinnykh svidetel'stv sovremennikov' (Gogol in Life. A systematic collection of authentic testimonies of contemporaries), *Soch.: v 4 t.* (Collected works. In 4 vols), vol 3-4, Pravda publ, Moscow, pp. 315–540, pp. 3–559. (In Russ.)
3. Belinskiy, VG 1949, 'Pis'mo k Gogolyu' (A letter to Gogol), *Khrestomatiya po istorii SSSR* (Chrestomathy on the USSR history), vol. 2 (1682 – 1856), comp. S. S. Dmitriyev, M. V. Nechkina, Uchpedgiz publ, Moscow, pp. 674–682. (In Russ.)
4. Vinogradov, AI 2000, *Gogol' – khudozhnik i myslitel': khristianskiye osnovy mirosozertsaniya. K 150-letiyu so dnya smerti N. V. Gogolya* (Gogol - artist and thinker: Christian foundations of worldview. On the 150th anniversary of the death of N.V. Gogol), IMLI RAN publ, Naslediye publ, Moscow. (In Russ.)

5. Voropayev, VA 2005, 'Gogol' (Gogol'-Yanovskiy) Nikolay Vasil'yevich' (Gogol (Gogol-Yanovsky) Nikolai Vasilievich), *Obshchestvennaya mysl' Rossii XVIII – nachala XX v. : entsikl* (Public thought of Russia in the 18th - early 20th century), ROSSPEN publ, Moscow, pp. 110–113. (In Russ.)
6. Vyskochkov, LV 2018, *Nikolay I i yego epokha. Ocherki istorii Rossii vtoroy chetverti XIX v.* (Nicholas I of Russia and his epoch. Essays of Russian history of the second quarter of the 19th century), Akadem. Proyekt publ, Moscow. (In Russ.)
7. Garin, II 2002, *Zagadochnyy Gogol'* (Mysterious Gogol), TERRA – Knizhnyy klub publ, Moscow. (In Russ.)
8. Gogol, NV 2010, *Kritika. Publitsistika. Dukhovnaya proza* (Criticism. Journalism. Spiritual prose), comp. Yu.V. Mann, ROSSPEN publ, Moscow. (In Russ.)
9. Gogol, NV 1949 – 1951, *Sobraniye sochineniy: v 6 t* (Collected writings. In 6 vols), vol. 1, 5, 6, ed. F. M. Golovenchenko, Khudozh. lit. publ, Moscow. (In Russ.)
10. Griboyedov, AS 1988, *Sochineniya* (Writings), Khudozh. lit. publ, Moscow. (In Russ.)
11. Grosul, VYa 2017, *Obshchestvennoye dvizheniye v Rossii pervoy poloviny XIX v.* (Social movement in Russia in the first half of the 19th century), AIRO–XXI publ, Moscow. (In Russ.)
12. Dolgikh, AN 2023, 'Poiski resheniya krest'yanskogo voprosa v Rossii v dvoryanskikh proyektakh kontsa XVIII – pervoy poloviny XIX v.' (Search for a solution to the peasant question in Russia in the noble projects of the late 18th - first half of the 19th century), *Rossiyskaya istoriya*, no.1, pp. 59–70. (In Russ.)
13. Dolgikh, AN 2022, «*Porokhovoy pogreb pod gosudarstvom*»: *puti resheniya krest'yanskogo voprosa v Rossii v epokhu pravleniya Nikolaya I. Istoriograficheskiye ocherki* (The Powder Room under the State": ways of solving the peasant question in Russia during the reign of Nicholas I. Historiographical essays), LGPU im. P.P. Semenova-Tyan-Shanskogo publ, Lipetsk. (In Russ.)
14. Dolgikh, AN 2018, «*Uvizhu l', o druz'ya, narod neugnetenny...*»: *Rossiyskoye dvoryanstvo i krest'yanskiy vopros v XVIII – pervoy chetverti XIX v. : istoriograf. ocherki : v 2 t.* (Will I see, oh friends, the people unoppressed...": The Russian nobility and the peasant question in the 18th - first quarter of the 19th century), vols 1-2, LGPU im. P.P. Semenova-Tyan-Shanskogo publ, Lipetsk. (In Russ.)
15. Dubel't, LV 1913, 'Zametki general-leytenanta L. V. Dubel'ta' (Notes by Lieutenant-General L. V. Dubelt), *Golos minuvshogo*, no. 3, pp. 127–171. (In Russ.)
16. Dushenko, KV 2018, *Istoriya znamenitykh tsitat* (A History of Famous Quotations), KoLibri publ, Moscow. (In Russ.)
17. Zolotusskiy, IP 2005, *Gogol'*, Molodaya gvardiya publ, Moscow. (In Russ.)
18. Ilyin, AYU & Kanishchev, VV 2023, 'K probleme izucheniya krest'yanskogo voprosa v Rossii v XVIII – pervoy polovine XIX v.' (Revisiting the study of the peasant question in Russia in the 18th – first half of the 19th century), *Humanities researches of the Central Russia*, no. 3 (28), pp. 16–21. (In Russ.)
19. Karev, VM 1994, 'Gogol' Nikolay Vasil'yevich', *Otechestvennaya istoriya. Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen do 1917 goda : entsikl. : v 5 t.* (History of Russia from Ancient Times to 1917. In 5 vols), vol 1, Bol'shaya ros. entsikl publ, Moscow, pp.573–574. (In Russ.)
20. Kitayev, VA 2001, 'Pushkin, Gogol' i konservativnaya traditsiya v Rossii pervoy poloviny XIX veka' (Pushkin, Gogol and the conservative tradition in Russia in the first half of the 19th century), *Literaturnyye melochi proshlogo tysyacheletiya. K 80-letiyu G. V. Krasnova* (Literary trivia of the last millennium. To the 80th anniversary of G. V. Krasnov), KGPI publ, Kolomna, pp. 76–86. (In Russ.)
21. Klyuchevskiy, VO 1989, 'Sergey Mikhaylovich Solov'yev', *Soch.: v 9 t.* (Writings. In 9 vols), vol. 7, ed. V. L. Yanin, Mysl' publ, Moscow, pp. 303–319. (In Russ.)
22. Kozlov, SA & Marasanova, VM 2020, «*Vsya nagrada trudov v obshchem blage*»: *khozyaystvenno-prosvetitel'naya deyatel'nost' Dmitriya i Konstantina Poltoratskikh* (The whole award of works in the common good: economic and educational activities of Dmitry and Konstantin Poltoratsky), *IX Bartenevskiy chteniya : materialy Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiyem, posvyashch. 75-letiyu Pobedy v Velikoy Otechestvennoy voyne* (9th Bartenev readings : materials of the All-Russian scientific conference with international

- participation, dedicated to the 75th anniversary of Victory in the Great Patriotic War), Lipetsk, 9 October 2020, LGPU imeni P. P. Semenova-Tyan-Shanskogo publ, Lipetsk, pp. 182–209. (In Russ.)
23. Dolgikh, AN (comp.) 2008, *Krest'yanskiy vopros v Rossii v kontse XVIII – pervoy chetverti XIX vekov: vlast' i obshchestvo : sb. dok. : v 4 t.* (The Peasant Question in Russia at the End of the 18th – First Quarter of the 19th Centuries: Power and Society. Collection of documents. In 4 vols), vols. 1, 4, LGPU publ, Lipetsk. (In Russ.)
 24. Mann, YuV 1984, *V poiskakh zhivoy dushi. «Mertvyye dushi»: pisatel' – kritika – chitatel'* (In search of a living soul. "Dead Souls": writer - criticism - reader), Kniga publ, Moscow. (In Russ.)
 25. Mann, YuV 1964, 'Gogol' N. V.', *Kratkaya literaturnaya entsiklopediya* (A Concise Encyclopaedia of Literature), vol. 2, ed. A. A. Surkov, Sov. Entsikl publ, Moscow, pp. 210–218. (In Russ.)
 26. Medovarov, MV, 'N. V. Gogol' i russkaya obshchestvennaya mysl' pervoy poloviny XIX veka' (N. V. Gogol and Russian social thought of the first half of the 19th century), *Mahtalcar*, viewed 31 December 2023, https://mahtalcar.narod.ru/history/gogol3_txt.html (In Russ.)
 27. Nikolayev, DP 1984, *Satira Gogolya* (Gogol's satire), Khudozh. lit. publ, Moscow. (In Russ.)
 28. Pospelov, GN 1953, *Tvorchestvo Gogolya* (Gogol's works), Uchpedgiz publ, Moscow. (In Russ.)
 29. Rozanov, VV 1990, 'Gogol' i yego znachenije dlya teatra' (Gogol and his importance to the theatre), *Sumerki prosveshcheniya* (Twilight of enlightenment), comp. V. N. Shcherbakov, Pedagogika publ, Moscow, pp. 334–339. (In Russ.)
 30. Ruzhitskaya, IB 2015, *Zakonodatel'naya deyatel'nost' v tsarstvovaniye imperatora Nikolaya I* (Legislative activity during the reign of Emperor Nicholas I), Tsentr gumanitar. Initsiativ publ, Moscow, St. Petersburg. (In Russ.)
 31. Piskunov, VM (comp.) 1994, *Russkaya ideya : v 2 t.* (The Russian Idea. In 2 vols), vol. 2, Iskustvo publ, Moscow. (In Russ.)
 32. Stepanov, NA 1959, *N. V. Gogol'. Tvorcheskiy put'* (N. V. Gogol. Artistic journey), Khudozh. lit. publ, Moscow. (In Russ.)
 33. Cherepnin, LV 1968, *Istoricheskiye vzglyady klassikov russkoy literatury* (Historical views of the classics of Russian literature), Mysl' publ, Moscow. (In Russ.)
 34. Shul'gin, VN 2009, *Russkiy svobodnyy konservatizm pervoy poloviny XIX v.* (Russian free conservatism of the first half of the 19th century), Nestor-Istoriya publ, St. Petersburg. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 02.01.2024
Одобрена после рецензирования: 06.02.2024
Принята к публикации: 19.02.2024

The article was submitted: 02.01.2024
Approved after reviewing: 06.02.2024
Accepted for publication: 19.02.2024